

Позднякова Т. С.

г. Санкт-Петербург, Россия

Попова Н. И.

г. Санкт-Петербург, Россия

АХМАТОВА ЧИТАЕТ «ПОЛТАВУ»

Статья «Ахматова читает “Полтаву”» продолжает тему «Ахматова – пушкинист». Среди пушкинских штудий Анны Ахматовой нет посвященной непосредственно «Полтаве», однако очевидно ее особое внимание к этой поэме Пушкина. В книжном фонде музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме хранится книга из ее личной библиотеки – однотомное собрание сочинений А.С. Пушкина, подаренное ей составителем и редактором Б. В. Томашевским. Госиздат выпустил эту книгу огромным тиражом к столетию со дня смерти Пушкина, которое в советской стране отмечалось как всенародное торжество. На страницах книги – множество ахматовских помет: подчеркивания, отчеркивания, знаки NB, скобки, реплики на полях. В центре внимания авторов статьи – пометы Ахматовой в тексте «Полтавы». Осмысление их опирается на ахматовский метод поиска в исследуемых ею произведениях «драматического воплощения внутренней личности Пушкина, художественного обнаружения того, что мучило и увлекало поэта». Своеобразие ахматовского прочтения «Полтавы» тоже связано с ее «внутренней личностью», с тем, что ее саму «мучило и увлекало». В «Полтаве» Ахматова искала и находила ответы на вопросы, которые ставил перед ней трагический опыт ее поколения. Аллюзии на «Полтаву» и скрытые цитаты из нее прочитываются в творчестве поздней Ахматовой.

Ключевые слова: Ахматова, Пушкин, аллюзия, заметки на полях.

К 1939 году стало почти доподлинно известно, что Осип Мандельштам погиб в лагере. В этом году Льва Гумилева вернули с этапа в Ленинград для «переследования». Но было неясно, чего ждать – смягчения приговора или высшей меры. Выпустили из заключения Александру Иосифовну Любарскую, сотрудницу маршакковского издательства. Больше года она провела в застенках по делу ленинградского «Детгиза». «О пытках тогда уже говорили громко» (Анна Ахматова).

Лидия Корнеевна Чуковская осторожно спросила Любарскую о тюрьме. Та ответила двумя строками из пушкинской «Полтавы»:

И первый клад мой честь была,

Клад этот пытка отняла.

Сказала, что только в тюрьме по-настоящему поняла поэму.

Услышав об этом от Чуковской, Ахматова «на минуту прижала руки к лицу: “Откуда он знал? Откуда он все знал?” Потом: «Никогда больше не буду это читать!»» [14:28]

И все-таки похоже, что Ахматова возвращалась к «Полтаве» постоянно, вновь и вновь пристально ее читала и перечитывала. «Полтавой» (и «Цыганами») определяла одну из граней поэтического

сознания Пушкина: «автор поэм со страшными и кровавыми развязками» [3:170] («“Каменный гость” Пушкина. Дополнения 1958 – 1959»). «Полтавой» отмеряла этапы его творчества: «начиная с «Полтавы» (1829), Пушкин не прочел в печати ни одного похвального слова о себе» [3:270] (Из заметок к «“Каменному гостю” Пушкина»).

Нет у Ахматовой пушкинской штудии, посвященной непосредственно этой поэме, но для аргументации своих мыслей она неоднократно апеллировала к ее тексту.

В статье «Пушкин и Невское взморье» напомнила читателям, что черновики «Полтавы» «испещрены» пушкинскими рисунками повешенных декабристов: мысли о декабристах, об их трагическом конце неотступно преследовали Пушкина, когда он писал «Полтаву». Писал поэму из истории начала 18 века, помня о недавнем ужасе 1826 года. Ахматова, неотступно думая о потерянной могиле Николая Гумилева, искала поддержки у Пушкина. Сославшись на воспоминания И. П. Липранди, рассказывала о том, как Пушкин стремился найти место успокоения Мазепы [3:158-159]. Привела авторское примечание к «Полтаве» о захоронении обезглавленных

тел Искры и Кочубея в Киевской лавре и фрагмент поэтического текста:

Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.

Отметила, что у Пушкина память о трагически погибших (государственных преступниках!) хранят и деревья – дубы, «друзьями насажденные»:

Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.

В статье «Пушкин в 1828 году» Ахматова, размышляя о том, как страсти правят человеческим поведением, давала психологический анализ «разгульного пушкинского года» («В 1828 году Пушкин не только влюблялся и разлюблял ...но в «Полтаве...хотел быть теоретиком этого образа действий...» [3: 224]) и подкрепляла его пушкинскими же словами из «Полтавы»:

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь...

В поздних ахматовских записных книжках остались ее соображения в связи с пушкинской выразительной характеристикой в «Полтаве» одного из сподвижников Петра: «Шереметев благородный»: «надо думать, потому благороден, что отказался поставить свою подпись под ложным следствием о смерти Алексея» [6:301].

127 членов Верховного суда подписали царевичу смертный приговор. А ведь некоторые из них были еще недавно ему близки и вместе с ним мечтали об изменении государственной политики, но сейчас они с готовностью его предали. Однако графу Борису Петровичу Шереметеву, по утверждению известного историка М. М. Щербатова, принадлежали слова: «Рожден служить своему государю, а не кровь его судить» [12:24].

Кто-то из историков считал фрондерский поступок Бориса Шереметева мифом – якобы, на самом деле он был болен и слаб и не смог выехать из Москвы для участия в суде над Алексеем. Однако Ахматовой важно было утвердить его независимость и непрекаемое достоинство: когда в 1930-е вокруг нее с праведным негодованием в едином порыве поднимались руки в ответ на лозунг «Смерть врагам народа!», много ли было в нашей стране людей, избегавших участвовать в общем хоре обвинителей, самим своим молчанием оказывая ему сопротивление!

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть –
Присягнули - проголосовали
И спокойно продолжали путь.

...В книжном фонде музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, в составе личной библиотеки Ахматовой, сохранилось однотомное собрание сочинений А.С. Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского. Госиздат выпустило эту книгу громадным тиражом к столетию со дня смерти Пушкина, которое в советской стране отмечали как всенародное торжество. На форзаце дарственная надпись: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой. 27/Х Б. Томашевский. Ц. Вольпе». На страницах, в частности, и на страницах «Полтавы», – множество ахматовских помет: подчеркивания, отчеркивания, знак NB, скобки, реплики на полях [10]. Попытаемся осмыслить некоторые из них.

Очевидно, что эта поэма имела для нее особую значимость.

... В своих пушкинских штудиях Ахматова не раз говорила о «тайнописи» Пушкина и загадку ее искала не просто в реалиях личной жизни поэта, а в «собственных лирических переживаниях Пушкина, неразрывно связанных с его жизненным опытом» [3:109]. Она находила в его произведениях «драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта» [3:109] (««Каменный гость» Пушкина»).

Представляется, что углубленный интерес Ахматовой к определенным произведениям Пушкина связан был и с ее «внутренней личностью», с тем, что ее саму «мучило и увлекало». Продолжим цитировать ту же статью: «Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру... Откликаясь "на каждый звук", Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения» [3:109]. То же можно сказать и об Ахматовой – исследователе Пушкина. Тем паче об Ахматовой, читающей «Полтаву».

Было нечто схожее в самой атмосфере общественной жизни и нравственном климате ахматовского времени и того времени, когда писалась «Полтава». Ю. М. Лотман в «Биографии» Пушкина дал сущностную характеристику эпохи конца двадцатых годов 19-го века: «резкое падение общественной нравственности» [7:123]. Это явилось следствием неудачи декабристского восстания и удаления из столиц лучшей части дворянской молодежи. «Количественно число повешенных и сосланных сравнительно с общим множеством дворян было ничтожным. Однако изъятие этого меньшинства лишило общество нравственной точки зрения на себя. Обществен-

ная безнравственность сделалась знаменем эпохи...» [7:124]. Через сто лет, с началом разгула сталинского террора, подобное знамение запыляло с удесятенной силой. Тем более, что несоразмерно возросло «количественное число повешенных и сосланных», разве что метод проведения казней несколько изменился. Тотальный страх, разлитый в обществе, каждого лишал естественной человеческой свободы и независимости («Хорошую тюрьму придумали, сразу для всех и без решёток», - записал в дневнике Н. Н. Пунин [9:263]). Одновременно в обществе культивировалась вседозволенность, разгул низких страстей. Служение государственной идее оправдывало человеческую безнравственность.

Ю. М. Лотман цитировал бытописателя последекабристкой эпохи М. Дмитриева, который рассказывал, как от боязни доносов и шпионства рушились человеческие связи: «...Промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, неспособная к трудам службы; весь обор человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом... В домах боялись собственных людей, потому что их подкупали, боялись даже некоторых лиц, принадлежащих к порядочному обществу и даже высшему званию, потому что о некоторых проходил слух, что они принадлежат к тайной полиции» [7:123].

А вот из ахматовских реплик: «Вы себе не представляете, как мы жили. Мы не могли завести книжку с номерами телефонов...Мы дарили друг другу книги без надписей...» [2:35]. «Мы вышли вместе .... Светлый летний вечер. Человек, стоявший против двери (но, как всегда, спиной), медленно пошел за нами. Я подумала: “За мной или за ней?”» [6:282].

Эпидемия мнительности, маниакальная подозрительность – характерная черта времени. Палачи, вместе с их вольными и невольными подмастерьями, навязчиво искали рядом с собой опасных «врагов народа», а жертвы постоянно боялись «стукачей». И Ахматова в каждом, кто начинал при чужих излишне свободно высказывать критические замечания о советской действительности, готова была видеть провокатора: «Про всех надо думать». А. Г. Найман по этому поводу писал, что может быть, она порой «недостаточно основательно» подозревала кого-то, «недостаточно основательно – но ни в коем случае не излишне легко: во-первых, всего этого и в самом деле было в избытке, во-вторых, подобные предположения мучили ее» [8: 158].

А профессия осведомителя и вправду ставилась чуть ли не самой распространенной профессией; предательство провозглашалось достоинством; служение с истовым рвением государственным интересам являлось удобной ширмой для низменных страстей – ненависти, корысти, властолюбия. На подобные низменные страсти и опиралась государственная политика, одновременно развращая людей, то есть подогревая эти страсти и возвращая талант лицемерия.

Большая безжалостная история всегда требует жертв от «частного» человека, она и осуществляется через его судьбу, зачастую деформируя его личность. Это то, о чем точно сказано у С. С. Аверинцева: «К преступлениям тоталитаризма относится и такой шедевр адской издевки: что он заражает своих собственных истязуемых им жертв – своими же мыслительными недугами» [1:112].

...Традиционное пушкиноведение всегда рассматривало «Полтаву», прежде всего, как двужанровую поэму, где над романтической новеллой поднимался героический эпос. Основное внимание пушкинистов уделялось именно эпосу, в котором «мрачный» Мазепа – предатель великого державного дела – побежден был гением Петра, антагонист Мазепы Кочубей, раскрывавший его коварные замыслы царю, однозначно объявлен был героем, а его дочь Мария – жертвой кровавого злодея.

Однако ахматовские пометы на страницах «Полтавы» в принадлежавшем ей одноименнике А. С. Пушкина свидетельствуют: Ахматова увидела в этой поэме то, что для многих пушкинистов осталось за пределами их внимания, а именно, поступки и судьбы людей жестокой петровской эпохи, вызывающие прямые ассоциации с трагическими реалиями XX века. Ахматову – читателя «Полтавы», судя по ее пометам в тексте, интересовал не героический эпос и не деяния Петра I а, в первую очередь, клубок страстей, жертв и предательств, отраженный в новеллистическом сюжете поэмы и в живущих в ней образах (Кочубей – Мария – Мазепа).

Бесспорно, Ахматова знала о конкретных исторических личностях – прототипах пушкинских героев с сильными характерами и трагической судьбой, о том, как трансформированы они были на страницах поэмы. Но по репликам, брошенным ею на полях текста, мы видим, что ее занимали именно литературные источники образов и сюжетных перипетий «Полтавы». При этом она вовсе не имела в виду ни «Мазепу» Байрона, ни

поэму К. Рылеева «Войнаровский», что обычно рассматривается при анализе литературного контекста пушкинской поэмы.

В Песне Первой, в самом ее начале, где речь идет о богатстве славного Кочубея, Ахматова подчеркнула строки «Но Кочубей богат и горд/.../ Не златом... /Прекрасной дочерью своей». И далее в описании внешности Марии отметила:

Она свежа, как вешний цвет,

...

Как тополь киевских высот,

Она стройна. Ее движенья

То лебеда пустынных вод

Напоминают плавный ход,

То лани быстрые стремленья.

А рядом, на полях, карандашом написала слово: «Домница».

Подсказку к разгадке этой пометы можно найти у Б. В. Томашевского в статье «Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина». Он, ссылаясь на воспоминания Липранди, рассказывает о намерении Пушкина написать повесть по мотивам молдавского предания XVII века «Дафна и Дабижа» [11:200–202]. Повесть так и не была написана, однако эхо ее замысла слышно в «Полтаве».

С содержанием самого предания знакомит публикация Болеслава Хиджеу в «Сыне Отечества и Северном архиве»: молдавский господарь Истрат Добижа был богат «не золотом венгерским и не серебром ляшским..., а дочерью Домницею Дафною... И прекрасна была дочь его Домница Дафна. Стан ее был так строен, как ... византийская тополь, ... волоса ... вились узорчатыми локонами около шеи ее, белой, как грудь дунайского лебеда» [13:230]. Домница не отвечала на любовь молодого арнаута (албанца) Дуки. Он решил овладеть ею против ее воли: нарочно поджег дворец, но вывел из огня Домницу вместе с Истратом и в благодарность за их спасение получил от господаря его дочь себе в жены.

То есть в основе драматической коллизии так же, как и в «Полтаве», отношения троих героев. Здесь это господарь Истрат Добижа, его прекрасная дочь Домница Дафна и коварный Дука, служащий при дворе господаря. Отношения, завязанные любовью и предательством: отец, обманутый Дукой, невольно предает свою дочь, мечтающую не о замужестве, а о монастыре.

Пушкин же, на что Ахматова и обратила внимание, отношения героев инверсирует: в «Полтаве» Мария, дочь Кочубея, ослепленная своей любовью к Мазепе, невольно предает отца, который в свою очередь предает ее возлюбленного.

И еще один источник сюжета. Ахматова подчеркнула строки (Песнь Вторая):

Утратить жизнь – и с нею честь,

Друзей с собой на плаху весть...

Рядом, на полях, написала по-французски: «Alzira».

Полагаем, что это отсылка к трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы». Пьеса построена на событиях времени испанских завоеваний Америки. В России книга выходила несколько раз в конце XVIII – начале XIX века. Позднее на русском языке не издавалась. Пушкин и Ахматова, конечно же, могли читать ее и по-французски.

Кроме отражения исторических событий – насильственной христианизации перуанцев – здесь тоже столкновение страстей: любовь, предательство, жажда мести... Но поступками героини управляет еще и ее верность мужу (ср.: «Я буду век ему верна»).

Опять: отец и дочь. Кроме того: несчастный возлюбленный и нелюбимый муж.

Одна из линий пьесы начинается с того, что богатый перуанец Монтез, желая завоевать расположение испанского правителя Перу Гусмана, влюбленного в его дочь Альзиру, низвергает богов своего народа и принуждает Альзиру выйти за Гусмана замуж. Она любит индейца Замора, борца за независимость перуанцев, но, думая, что он погиб, подчиняется отцовской воле и, принимая христианство, идет под венец с Гусманом. Однако Замор жив, он пылает ненавистью к врагу, осквернившему его возлюбленную, скорбит о падении Альзиры, вспоминает свое унижение в темнице, у порога смерти со стыдом и ужасом думает о том, что мог повлечь за собой в смерть своих соотечественников, мечтает о мести. (В «Полтаве» все эти функции принимает на себя отец Марии. Муки Замора сравнимы со страданиями Кочубея).

И хотя пьеса Вольтера имеет, казалось бы, благополучный конец – зло наказано, добро торжествует, и Замор получает свою возлюбленную, но для Пушкина, а вслед за ним и для Ахматовой неразрешимо трагична безутешность Альзиры. Перед Богом соединившая свою жизнь с Гусманом, она разрывается между верностью мужу и любовью к Замору и чувствует себя предательницей. В переводе П. Карабанова это звучит так: «Кто может, дав мне смерть, меня освободить /От нужды купно вам обоим изменить!.. Между тобой и им душа моя делима, / Раскайнем, тоской терзаема, томима. / Злодейкой чту себя, и дум печальных мрак...» [5:79].

Очевидно, что Ахматовой и в молдавской легенде, и в пьесе Вольтера интересны были борения страстей, замешанные на предательствах. Историю страстей и предательств, освещенную пушкинским гением, она и прочитывает в «Полтаве».

Но главное, Ахматова прочитывает в поэме, что двери низким человеческим страстям распаивает политика, которая вторгается в частную жизнь людей. В «Полтаве» обнажено переплетение психологических мотиваций, казалось бы, государственной деятельности героев: ненависть, месть, властолюбие: Мазепа тайно борется с Петром не из любви к своей отчизне, не из-за стремления к независимости Украины – на самом деле он одержим жадой личной власти; Кочубей готов раскрыть Петру тайные замыслы Мазепы вовсе не из-за преданности державной идее русского царя, а из жажды мести своему бывшему другу.

Движущая сила сюжета поэмы – круговая обида, оскорбление и как следствие предательство, вольное и невольное: Петр когда-то оскорбил Мазепу, за что тот, притворяясь его верным вассалом, коварно готовит ему месть и посвящает в преступные замыслы своего друга Кочубея. Полюбив же дочь Кочубея Марию, наперекор воле Кочубея тайно увозит ее из родного дома, предавая тем самым дружбу. Мария своей любовью к Мазепе тоже оскорбляет и предает своего отца, за что тот предает Мазепу – шлет «на гетмана злодея / донос царю от Кочубея». И сам Кочубей становится жертвой предательства: гетману «вельможи русские послали / В Полтаве писанный донос». То есть теперь он отдан царем «во власть / Врагу царя на поруганье». Мазепа же предает и свою любовь к Марии, обрекая на смерть ее отца.

Рукой Ахматовой на страницах «Полтавы» отмечены строки в характеристиках героев: «в горькой злобе свирепея» (автор о Кочубее), «Повсюду тайно сеют яд / Его подсланные слуги» (автор о Мазепе), «душу пылкую твою / Волнуют, ослепляют страсти» (Мазепа о Марии).

Странная любовь юной Марии к старому гетману для Ахматовой есть безудержная страсть, презревшая страдания других. В тексте Пушкина она карандашом выделяет строки: «Что стыд Марии? Что молва?», «Послушай, гетман: для тебя/ Я позабыла все на свете», «... семью / Стараюсь я забыть мою», «Всем, всем готова/ Тебе я жертвовать, поверь». Да, любовь – великая ценность, но кроме нее есть на свете и иные ценности – преданность, верность, уважение к другим человеческим жизням – все то, что было забыто Марией в ослеплении страсти.

Безудержная страсть Марии ее саму делает жертвой этой страсти, а ее отца толкает к предательству друга и к собственной гибели.

Страсти правят судьбами героев поэмы. Кочубеем и Мазепой к тому же движет жажда изощреннейшей мести. Ахматова отмечает в тексте:

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей.

И ниже ее же рукой помечены строки о том, как Мазепа и его клеветы

...как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов,
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.

Для Ахматовой существенно, что одержимый ненавистью к Мазепе, к своему недавнему другу, Кочубей отказывается от открытого мщения и тайно готовится осуществить подлый план расправы: «Он может мщением отца / Постигнуть гордого злодея... / но замысел иной / Волнует сердце Кочубея».

Ахматова ставит знак «NB» против строк:

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!» –
Скрежеща мыслит Кочубей, –
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
...

В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас...

Обратим еще раз внимание на подчеркнутые Ахматовой строки из внутреннего монолога Кочубея в ожидании им казни: «Утратить жизнь – и с нею честь, / Друзей с собой на плаху весть». (После XXVI съезда Ахматова как-то вспомнила: «Мне один человек в 38-м сказал... – “Вы бесстрашная. Вы ничего не боитесь”. Я ему: “Что вы! Я только и делаю, что боюсь”. Правда, разве можно было не бояться? Тебя возьмут и, прежде чем убить, заставят предавать других» [15: 540].)

Верно, с ужасом читала Ахматова и потому отметила в тексте пушкинские строки о пытках:

– Допрос не кончен: отвечай.

– Я отвечал уже: ступай,

Оставь меня.

...

– Когда не хочешь пытки новой:

Где спрятал деньги?

В большие скобки заключила Ахматова исполненный гнева и достоинства монолог Кочубея, обращенный к палачу перед казнью:

...ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам все расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господина молю,
Теперь оставь меня в покое.

Палач (и это тоже помечено ахматовским карандашом) не оставил свою жертву в блаженном одиночестве, не дал ему встречи со священником – «грехов могущим разрешителем». А ведь Кочубей был готов (и Ахматова подле этих строк ставит карандашную «птичку»):

...Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья.
Не завещая никому
Вражды к злодею самому.

То есть для Ахматовой значима сама мысль о том, что можно, отказавшись от ненависти, прервать порочный круг проклятий.

Однако круг этот не прерывается: пребывая в счастливой безмятежности, Мария не успевает остановить казнь своего отца; но мечты Мазепы о власти попораны торжествующим Петром, а Марии не нужна уже любовь Мазепы, и «тоска, тоска его снедает». Саму же невольную преступницу Марию настигает самое страшное возмездие – безумие.

Представляется, что особенно внимательно Ахматова следит именно за развитием линии героини поэмы.

Мария спит в блаженном неведении. Ахматова отмечает строки, которые словно рифмуются с этим безмятежным сном:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух.

Марии, «дремой объятаю», трудно осознать собственную вину и неизбежность возмездия.

В ахматовской «Поэме без Героя» встречаем скрытую цитату из «Полтавы»:

Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.

Это только один из примеров того, как аллюзии на «Полтаву» и скрытые цитаты из нее прочитываются в творчестве поздней Ахматовой.

Мазепа «в уединенный сходит сад». «Звезды ночи, / Как обвинительные очи, / За ним насмешливо глядят ...»

Не из этих ли звезд та, что застит небо в «Реквиеме» («И прямо мне в глаза глядит / И скорой гибелью грозит / Огромная звезда»)?

Ахматова отчеркивает в тексте «Полтавы» следующие строки:

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья.
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной ...

Странный звук. Ему нет реалистического объяснения. Неясная тревога? предупреждение? страшное обещание? Эхом это откликается в стихотворении Ахматовой «А в книгах я последнюю страницу...»:

...
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.

В драматической сцене «Полтавы» мать Марии пытается освободить ее от ослепления, проявить в ее сознании те ценности, без которых торжествует бесчеловечность.

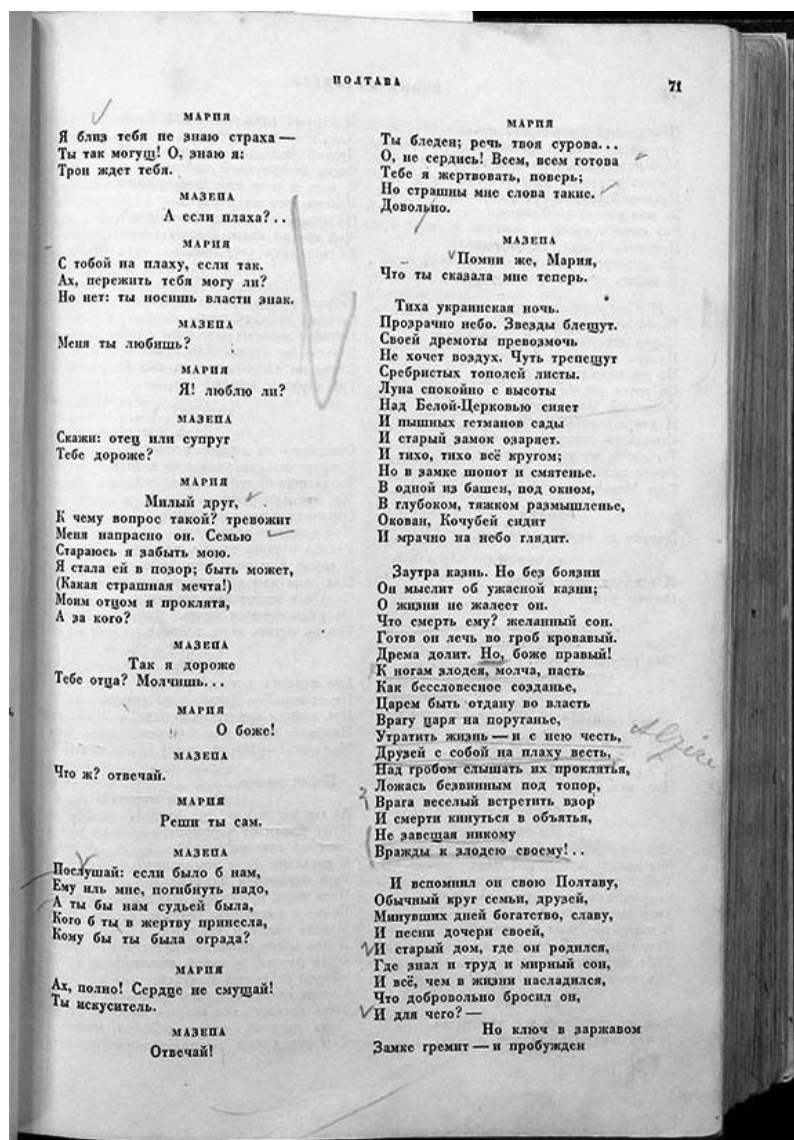
Дочь в ужасе:
– Какой отец?
– Какая казнь?
Мать:

Иль ты донине
Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна...

Не отсюда ли у поздней Ахматовой образ пустыни как пустоты замкнутости в самой себе: «Я живу не в пустыне, / Ночь со мной и всегдашняя Русь»?

...Мария поздно стряхнула с себя наваждение страсти – уже «свершилась казнь». Она не видела, как взошли на плаху ее отец и верный ему Искра, не видела, как от ударов топора отскочили и покатались две головы, как, «сердцем радуясь во злобе, / Палач за чуб поймал их обе / И напряженной рукой / Потряс их обе над толпой». Последние две строки отмечены Ахматовой. Что она для себя этим подчеркивает? Может, здесь отсылка к последним страницам поэмы?

На последних страницах поэмы вновь появится отрубленная голова, но теперь уже в большом воображении безумной Марии:

...эта голова

Была совсем не человечья,
А волчья – видишь: какова!

Подмена человеческой головы (головой любимого отца!) головой волка – смещение всех ценностей. Не этот ли образ преследовал Ахматову, когда она убеждала себя в низости и сумасшествии предавшего ее, как она сама несправедливо считала, В. Г. Гаршина:

А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет,
Уже бредет, как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...

Но тут возникает характерная для ее поэзии инверсия – в этом случае не потерявший разум видит в человеке волка, а потерявший разум сам становится хищником:

Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.

Мария страдает от чувства неизбывной вины. И страдания ее доходят до той грани, когда разум уже не может их вместить. Ахматова словно идентифицирует себя с Марией:

Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться – великая честь.

Или:

И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадьам.

Мария – героиня «Полтавы» – погружаясь в свой странный призрачный мир, нашла там спасение от своих мук («И с диким смехом завизжала...»).

Безумие, не приносящее облегчения, напротив, усугубляющее мучения, становится одной из тем ахматовского творчества. Безумие самой жизни – невиданный разгул террора, насилия, агрессии, лицемерия и как следствие – расчеловечивание общества. И человеческое безумие как бегство, как укрытие от страдания.

Но поэт смотрит на свои страдания, на себя страдающего со стороны («Нет, это не я. Это кто-то другой страдает...») и пытается осмыслить свое страдание, граничащее с безумием. Но взгляд со стороны на самого себя уже за гранью привычной жизненной нормы.

Уже безумие крылом
Души покрывло половину,

...

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

Точный анализ подобного состояния дал Иосиф Бродский: «...Осознание этой отстраненности создает действительно безумную ситуацию. “Реквием” – произведение, постоянно балансирующее на грани безумия, которое привносится ... этой нравственной шизофренией, этим расколом – не

сознания, но совести. Расколом на страдающего и на пишущего» [4:463-464].

Ахматова неоднократно открывала «Полтаву», вчитывалась в пушкинскую поэму, вглядывалась в ее глубину, обнаруживая в ней

отражения трагического будущего. Искала и находила ответы на вопросы: что происходит с человеком? почему такое озверение? можно ли спастись от безумия?

«... Откуда он все знал?»

Список литературы:

1. Аверинцев С. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6.
2. Ардов Михаил. Возвращение на Ордынку. М., 1998.
3. Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989.
4. Волков Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2006.
5. Вольтер Франсуа Мари. Альзира, или Американцы. Трагедия. Перев. с франц. Петра Карабанова. СПб., 1786.
6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958 – 1966). Москва – Torino, 1996.
7. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995.
8. Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999.
9. Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000.
10. Пушкин А.С. Сочинения. Редакция. Биографический очерк и примечания Б. Томашевского. Л., 1936.
11. Томашевский Б. В. Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина. // Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной пушкинской конференции. М.–Л., 1953. Приносим благодарность Н.П. Пакшиной за то, что она напомнила нам об этом издании.
12. Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М., 2011.
13. Хиджеу Болеслав. Молдавские легенды. Дабижа // Сын Отечества и Северный архив. Журнал словесности. Истории и политики. Том Первый. СПб., 1838.
14. Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. Том первый. 1938–1941. М., 2013.
15. Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. Том второй. 1952–1962. М., 2013

АХМАТОВА ЧИТАЄ «ПОЛТАВУ»

Стаття продовжує тему «Ахматова – пушкініст». Серед пушкінських студій Анни Ахматової немає такої, що безпосередньо присвячена безпосередньо «Полтаві», однак є очевидною її особлива увага до цієї поеми Пушкіна. У книжковому фонді музею Анни Ахматової у Фонтанному Домі зберігається книга з її приватної бібліотеки – однотомне зібрання творів О. С. Пушкіна, яке було подаровано їй упорядником і редактором цього видання Б. В. Томашевським. Держвидав випустив цю книгу величезним накладом до сторіччя зі дня смерті Пушкіна, яке у радянській країні відмічалось як всенародна урочиста подія. На сторінках книги – безліч ахматівських нотаток: підкреслення, відкреслення, знаки NB, дужки, репліки на полях. У центрі уваги авторів статті – нотатки Ахматової у тексті «Полтави». Їх осмислення спирається на ахматівський метод пошуку у досліджуваних нею творах «драматичного втілення внутрішньої особистості Пушкіна, художнього знаходження того, що мучило та захоплювало поета». Своєрідність ахматівського прочитання «Полтави» також пов'язано з її «внутрішньою особистістю», з тим, що її саму «мучило та захоплювало». У «Полтаві» Ахматова шукала та знаходила відповіді на питання, котрі ставив перед нею трагічний досвід її покоління. Алюзії на «Полтаву» та приховані цитати з неї прочитуються у творчості пізньої Ахматової.

Ключові слова: Ахматова, Пушкін, алюзія, нотатки на полях.